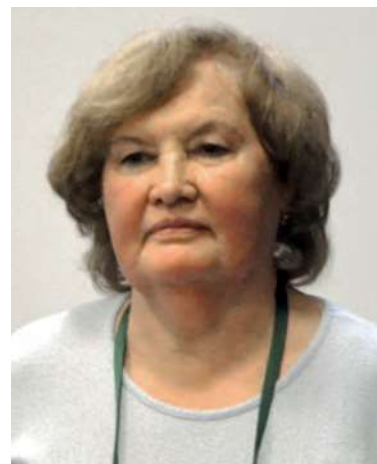

В.А. БОРОДИНА,
доктор пед. наук, профессор СПбГИК,
Санкт-Петербург

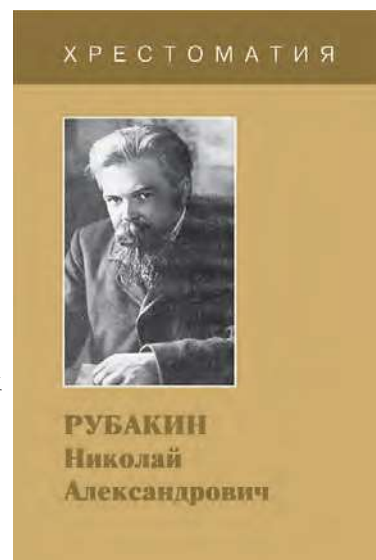
НЕИСЧЕРПАЕМЫЙ РУБАКИН: МЕТОДОЛОГ, ТЕОРЕТИК, ИССЛЕДОВАТЕЛЬ, ПРАКТИК

Профессиональное библиотечное сообщество богато уникальным наследием, оставленным Николаем Александровичем Рубакиным. Несмотря на наличие множества материалов о его вкладе в читателеведение, он остаётся не очень известным даже значительной части теоретиков этой сферы. Возможно, это связано с отсутствием его трудов во многих библиотеках, с проблемами читабельности его текстов и уровнем их понимания современными учеными и практиками.

Его труды издавались в конце XIX – начале XX веков, привлекая внимание и вызывая критику. Важная веха как венец его профессионального творчества – выход в 1929 году книги «Психология читателя и книги: краткое введение в библиологическую психологию» с предисловием А. Плотникова, где также не обошлось без критики: «Н.А. Рубакин – не марксист», «Его мировоззрение чуждо учению Маркса...». И затем Рубакин в России (в СССР) практически не издавался. Только в 1975 году выходит двухтомник «Избранное», в котором опубликованы его основные работы, а в 1977 году переиздана «Психология читателя и книги» о библиопсихологической теории. В 2006 году выходит 800-страничный сборник его трудов «Библиологическая психология» (издательство «Трикта») в рамках Федеральной целевой программы «Культура России» (Академический проект). Появляются и аналитические работы о его вкладе в книговедение, библиографоведение, читателеведение, самообразование.

Значимым событием стал библиографический указатель, изданный Российской государственной библиотекой (РГБ) к 150-летию со дня рождения Рубакина. Определенный прорыв в доступности к трудам Рубакина обеспечила «Хрестоматия», изданная РШБА в 2014 году [2]. Работа по введению в научно-практический оборот наследия Рубакина продолжается на основе опубликованных трудов. И очень важным является то, что делают сейчас РШБА и профессор Ю.Н. Столяров по освоению неопубликованных работ Н.А. Рубакина на основе архива, находящегося в РГБ (см. «ШБ». 2017. №№ 3–8).

Всё это даёт возможность знакомиться с его наследием тем, кто занимается воспитанием Читателя, приближает Рубакина к нам и даёт возможность погружаться в его творчество, осваивая в целях «утилизации» (термин Рубакина) читателеведческие идеи для развития Читателя в XXI веке.

Есть смысл рассмотреть Николая Александровича Рубакина как методолога, теоретика, исследователя и практика во взаимодействии и взаимосвязях в процессе эволюции его творческого пути. За основу возьмём шесть работ, демонстрирующих логику развития его научно-практических идей и восхождение научной и практической мысли в библиопсихологическом знании универсального характера. Они все имеются в «Хрестоматии» [2].

Кто такой Н.А. Рубакин? Книговед, библиографовед, библиотековед, библиопсихолог, социолог, педагог? Кем он является в современной психолого-педагогической ситуации возвращения эффективно читающей нации и отдельного человека? Тьютором, коучем, фасилитатором, когнитологом, акмеологом в плане утилизации его наследия? Николай Александрович Рубакин действительно неисчерпаем. В его научно-практическом арсенале каждый специалист найдёт немало для развития собственных мыслей, для приобретения знаний об истине, справедливости и для применения их на практике.

Полидисциплинарное и междисциплинарное рубакинское знание можно наложить на фундамент в виде четырёх взаимосвязанных и взаимообусловленных категорий:

1. Методология.
2. Теория.
3. Исследования.
4. Практика.

Их внутреннее единство и общность в решении любой читателеведческой задачи можно представить в виде некоей модели, схемы (Рис. 1).

Рис. 1

Ядро модели составляет кредо Н.А. Рубакина о **библиотеке как Космосе знаний, Вселенной знаний** в методологическом, теоретическом, исследовательском и практическом контекстах. Им соответствует содержание его трудов, которые с определенной долей условности можно распределить по этим четырём основам.

Если обратиться к хронологии трудов Рубакина, то нельзя не увидеть, что его научно-практическая мысль развивалась в логике от проведения исследования «Этюды о русской читающей публике» (1895 г.) к методологии и теории, нашедшей отражение в работе «Среди книг» (научно-библиологический очерк, 1906 г.) и в «Психологии книги и читателя» (Библиопсихология, 1929 г.). Истоки библиопсихологии находим и в более ранних его работах. Практическое воплощение его научных достижений нашло отражение в работах по самообразованию (1913–1914 гг.).

Выделение четырёх основ в рубакинском знании не означает, что они существуют сами по себе. Напротив, их можно и нужно рассматривать в целостности. Практически в каждой работе Николая Александровича Рубакина найдём знание, соответствующее всем четырём основам.

Сущность его научно-практической деятельности заключена в экслибрисе. Я не располагаю информацией о том, как создавался этот экслибрис. Но то, что он уникален как образ смысла Человека Читающего в борьбе за истину и справедливость в космическом масштабе, масштабе Вселенной – это очевидно. Он ёмок в своей лаконичности, целостен, перспективен, вечен.

В экслибрисе нельзя не увидеть исходный методологический принцип, сформулированный самим Рубакиным: «Да здравствует книга – могущественнейшее орудие борьбы за истину и справедливость». Этот принцип встраивается в принцип целостности в обосновании органичного единства знаний о Книге, Чтении, Читателе. В этой целостности связующим звеном является категория «библиотечное ядро», представляющая собой Круг чтения, отражающий Вселенную, для понимания каждым читателем жизни, Вселенной, природы, общества и человека.

В библиотечном ядре находит отражение категория «соответствие». Н.А. Рубакин отмечал, что «история литературы – история её чтения, история читателей; каждому писателю соответствует определенная читательская среда, общественная группа, их чувства, желания, идеи».

Важными методологическими

*«Да здравствует книга –
могущественнейшее
орудие борьбы за истину
и справедливость».*

Экслибрис Н.А. Рубакина

категориями являются категории «количества» и «качества», их органичность в единстве и борьбе противоположностей. И исследуются они Н.А. Рубакиным в методологическом, теоретическом и практическом смысле. Он анализирует категории «количество» и «качество»; саму жизнь в контексте литературного соответствия в количественном и качественном отношениях. И в рамках этого соответствия рассматривает типологию читателей и типологию книг и авторов, образование народа и его развитие через быстрое обращение книг, а значит идей, кипение жизни, чувств, мыслей, саму жизнь.

И в этом проявляется единство теории и практики, опора на изучение книги, чтения, читателя. Для Н.А. Рубакина «приматом», приоритетом на практике выступает Личность, Читатель, его особое мировоззрение. При этом он утверждал, что «судьба книги неразрывно слита с общественной психологией и с историей духовной жизни, и нельзя понимать книжное дело и служить ему, не вникая в общественную психологию и вообще социальную жизнь своего места и времени». Однако в качестве критерия для оценки всех книжных богатств выдвигал «личность человеческую»: «Я, личность – судья всякой книги, и только я могу решить, что ты мне даешь или можешь дать, и в рай или в ад крошечный ты стремишься превращать те условия, в которых я живу в настоящее время. От твоего, книга, ответа, который я сам же в тебе прочитаю, то на строках, а то и между строк, зависит всецело – я друг или враг твой» [2, с. 73].

Это не эклектизм, в котором упрекали Н.А. Рубакина.

Это принцип и закономерность единства личностного и социального, их органичная взаимосвязь, закономерность жизни человека и человечества, проявляемая в том, что книжное дело, чтение являются сутью творчества жизни, что они основа развития личности и человечества. У Н.А. Рубакина есть обоснование не только принципа *«примата личности»* в книжном деле, но и *«примата жизни над книгой»*, в которых *«книга – орудие за истину и справедливость»*. И в ней содержатся **три великие духовные силы: знание, понимание, настроение**. Они отражаются в теории книжного (библиотечного) ядра, детально исследованного Н.А. Рубакиным и методологически, и теоретически, и практически.

Стоит обратить внимание на теоретическое и практическое обоснование соответствия психо-социологических формул книг и их читателей, «причем и к изучению читателя, и к изучению книги могут быть приложены однородные приемы и методы точного знания» [2, с. 116]. Здесь нельзя не увидеть органичность методологических, теоретических, исследовательских подходов в интересах практики.

Особое отношение у Н.А. Рубакина к детским книгам и детскому чтению. Он рассматривал ребенка как особый тип читателя, нуждающийся «в особой оценке – и психологической, и социологической», имея в виду читателей – детей и подростков и организацию для них особого отдела и его каталога.

С учетом доминанты читательского адреса журнала «Школьная библиотека» – педагога-библиотекаря, – стоит привести большую цитату Н.А. Рубакина о читателях детского и подросткового возрастов. Это звучит весьма современно и актуально.

«Судьба книги неразрывно слита с общественной психологией и с историей духовной жизни, и нельзя понимать книжное дело и служить ему, не вникая в общественную психологию и вообще социальную жизнь своего места и времени.»

«По нашему мнению, как широкая беспринципность, так и педагогическая узость одинаково принадлежат к числу тех недостатков, которых тщательно следует избегать как в педагогике вообще, так и при составлении примерных каталогов детской библиотеки.

Ребенок прежде всего – человек, а не объект для педагогических манипуляций. За ним тоже необходимо признать своего рода гражданскую свободу и право на самоопределение, а не только вменять ему в обязанность довольствоваться тем, что ему дают гг. старшие, слушаться и повиноваться им, – и это как по отношению ко всему его поведению, так и по отношению к выбору книг. Не следует забывать, что книга действует на маленького читателя не совсем так, как она действует на взрослого, и первый выносит из книги обыкновенно совсем не то, что

выносит взрослый. Книг заведомо зловредных, точнее говоря, развращающих, существует не так много, как думают гг. педагоги, и все такие книги более или менее известны и, во всяком случае, могут быть известны господам педагогам. Главной задачей этих последних и является, прежде всего, возможное отстранение от маленьких читателей такого рода развращающих книг, понимая под этим словом “развращающие” то, что обыкновенно под ним понимается: нравственный и физический разврат. Все же прочие книги должны быть причисляемы к категории зловредных с чрезвычайной осторожностью, и выбор книг для чтения должен быть сделан для маленьких читателей по возможности самым свободным. Если книга окажется чересчур трудно написанной и пестрящей непонятными выражениями и отвлеченными мыслями, сам читатель отложит ее в сторону, а если она почему-либо покажется ему хоть немного интересной, пусть ее читает как знает, и пусть выносит из нее что может.

«Библиотека развернет перед читателями не только систему наук, и не только покажет самим расположением отделов в каталоге их связь и соотношение, – она развернет практическую возможность для каждого читателя по любой науке идти вперед и вверх, с любой ступени лестницы, куда угодно самому читателю».

«Главная задача педагога, по нашему глубокому убеждению, заключается вовсе не в том, чтобы запрещать детям те или иные книги, а в том, чтобы помочь детскому сознанию вырабатывать нечто свое собственное <...>»

Предоставим детям право иметь собственные вкусы, собственные привычки, собственные потребности; предоставим им с малых лет привыкать к тому, чтобы руководствоваться по мере сил и способностей собственными соображениями, а не чужими указаниями, и идти в жизнь своей, а не чужой, хотя бы и родительской дорогой <...>

Главная задача педагога, по нашему глубокому убеждению, заключается вовсе не в том, чтобы

запрещать детям те или иные книги, а в том, чтобы помогать детскому сознанию вырабатывать нечто свое собственное <...>

В вопросах детского чтения должен быть проведен тот же принцип: педагоги могут лишь указывать детям некоторые книги для чтения, вовсе их не навязывая, причем это указание отнюдь не должно ограничиваться несколькими книгами, якобы систематично подобранными и педагогически рекомендуемыми.

Каждому маленькому читателю должен быть дан в руки целый каталог хороших книг – пускай сам читатель выбирает из них что знает и как знает, и научается при этом выбирать, соображаясь со своим умом и вкусом, а не с возрастом.

Если маленький читатель не сумеет сам разобраться в каталоге, пусть он идет за советом к педагогу, но идет не по обязанности и не по приказу, а по собственному побуждению и желанию, и пусть ему будет предоставлено право следовать или не следовать педагогическим советам» [2, с. 121–123].

Принцип «лестницы», обоснованный Н.А. Рубакиным, и как методологический, и как теоретический, и как исследовательский, и как практический можно применять к наследию Рубакина в целом, анализируя и синтезируя его. Он настаивал на том, что библиотека как энциклопедия – «книжное отражение Вселенной». <...> И она «должна быть организована так, чтобы возможно большее число возможно лучших книг могло проникать в возможно широкий круг читателей» [2, с. 128]. При этом важен принцип единства: «Ведь все явления представляют собою, в своей совокупности, единое целое. Все они перепутаны в гигантский и сложнейший клубок, который и называется Вселенной. На основании же классификации явлений могут быть классифицированы науки, а на основании этих последних могут быть классифицированы и книги» [2, с. 129].

Н.А. Рубакин доказывал, что схема каталога должна учитывать уровень подготовленности читателя и даже иметь в виду неподготовленность читателей. Схема каталога должна быть такова, чтобы подвигаться вверх всем, в том числе даже самым неподготовленным, самым непросвещенным. Книги должны быть распределены по степеням трудности их понимания. В правильно организованной библиотеке, желающей служить всему трудящемуся народу, по каждой науке должен быть подбор таких книг, которые могли бы вводить в область знания людей всех ступеней образования, начиная от самых низших.

Он считал, что «хорошая библиотека должна иметь по каждой науке, во-первых, книги, сообщающие знания элементарные, изложенные вполне доступно для людей, получивших образование ниже среднего, то есть так называемые книги народные; во-вторых, книги, доступные людям со средним образованием, то есть так называемые популярные, и, наконец, в-третьих, книги, требующие от читателя солидной и даже специальной подготовки. При такой постановке действительно демократичная библиотека развернет перед читателями не только систему наук, и не только покажет самим расположением отделов в каталоге их связь и соотношение, – она развернет *практическую возможность* для каждого читателя по любой науке идти вперед и вверх, с любой ступени лестницы, куда угодно самому читателю» [2, с. 129, 130].

«Каждому маленькому читателю должен быть дан в руки целый каталог хороших книг — пускай сам читатель выбирает из них, что знает и как знает, и научается при этом выбирать, соображаясь со своим умом и вкусом, а не с возрастом».

Удивительно, насколько это перспективно звучит и в наше время в контексте акмеологического принципа личностного и профессионального развития. Без преувеличения можно утверждать, что Н.А. Рубакин опередил основные методологические, теоретические и практические основы акмеологии.

«Спрос – это первая ступень лестницы, с которой данный читатель начинает свое собственное чтение и образование. Но ведь за первой ступенью должны следовать вторая, третья и т. д., целая лестница ступеней, ведущая на самые верхи человеческого знания, понимания и настроения <...> библиотека должна в высшей степени бережно относиться к личности каждого читателя. Она ведь должна раскрывать перед читателем кругозор, разворачивать перед ним широкие перспективы, указывать ему длинные ряды лучших книг» [2, с. 130, 131].

Эта концепция *«лестницы ступеней, ведущей на самые верхи человеческого знания, понимания и настроения»* детально обоснована в практике самообразования в соответствии с другими значимыми принципами и методологическими основами. «Примат жизни над книгой» в интеграции с «приматом личности» в самообразовании в целях формирования образованного, интеллигентного человека – творца жизни базируется на комплексном подходе разноуровневых составляющих. Н.А. Рубакин обосновал цель и задачи самообразования на основе анализа и синтеза всех ресурсов. Среди них – книжные, психофизиологические и психологические, социальные, педагогические, производительные, природные – по отношению к трём кругам жизни (интимному, социальному, космическому). И по каждому из них необходимо приобрести, а потом и утилизировать *«знания, факты, идеи, настроения, мнения, теории»*, чтобы, расширяя кругозор в общем и специальном образовании, *«идти – вперёд и вверх, расти – в высоту»* на основе принципа *«экономизации сил»* (достижения наибольших результатов при наименьшей затрате сил и времени). Есть смысл напомнить слова Н.А. Рубакина о самообразовании – практике жизни: «Делай, твори, действуй, говори, доказывай, кричи, придумывай, созидай, борись, дерзай, хотя бы и страдая, – но делай, – это и есть жизнь» [2, с. 230].

«Библиотека должна в высшей степени бережно относиться к личности каждого читателя. Она ведь должна раскрывать перед читателем кругозор, разворачивать перед ним широкие перспективы, указывать ему длинные ряды лучших книг».

Отдельного анализа и синтеза в контексте четырёх основ (методологии, теории, исследования, практики) требует его «Библиологическая психология» или сокращенно «Библиопсихология». Напомню лишь о вербальной, интер- и суправербальной библиопсихологии, весьма актуальной в связи с изменениями в информационно-коммуникационной среде, в усложненном медиапространстве. Значительно осложнилась текстовая деятельность из-за многообразия текстов, включающих разные семиотические структуры, сочетающие в себе вербальные и невербальные элементы в сложных конструктах. Их называют по-разному: тексты новой природы, креолизованные, мультимедийные и др. Это требует изучения как самих текстов, так и их восприятия, понимания, усвоения и использования в образовании и жизнедеятельности. Озабоченность данной проблемой у профессионального сообщества есть. И её научно-практическое осмысление началось, но

требует достаточно высокого уровня методологической, теоретической и исследовательской культуры специалистов, работающих в этой области, и соответствующего оборудования [1].

Тезис о том, что нет ничего практичнее теории, правомерен по отношению к методологии и теории вербальной, интер- и суправербальной библиопсихологии в исследовании продуктивности чтения и совершенствования её для мультимедийных текстов. Данная проблема в настоящее время, на ближайшее будущее и в дальней перспективе весьма актуальна и в исследовательском, и в практическом планах.

В настоящее время внедряется концепция ЮНЕСКО О формировании общества знаний вместо прежнего тренда – информационного общества. В этой связи невозможно не поразиться, как Н.А. Рубакин ещё в XIX – начале XX века методологически, теоретически и практически обосновал общество знаний в контексте стратегии жизни. Проведенные им исследования подтверждают это.

Напомню о трёх духовных силах (знании, понимании, настроении), заключенных в трёх кругах чтения (интимном, социальном и космическом), созидающих человека и его жизнь. Всем, кто занимается образованием и воспитанием растущего поколения, необходимо осваивать концепцию общества знания ради жизни и в жизни. Делать это можно разными методами, в том числе и в формате интеллектуальных тренингов.

В заключение напомним, что Н.А. Рубакин обосновал концепцию Читателя как единство множественных фактов, сосредоточение множества сторон. Он писал, что читатель представляет собой разные факты: правовой, юридический, исторический, экономический, социальный, географический, психологический, анатомический, физиологический, химический, физический и космический.

Целый ряд фактов, сосредоточенный в читателе, изучается одновременно множеством наук. Но читатель – факт единый и нераздельный, как отмечал Н.А. Рубакин. Этот весьма важный принцип целостности органичен в методологии, теории, исследовании и практике читателеведения и книжного дела сквозь призму библиопсихологии. Его рассмотрение, понимание, интерпретация требуют комплексного, системного, целостного исследования в читателеведении на основе конвергентной теории и технологии НВІКС (НБИКС) – нано, био, инфо, когнито, социо. Основы теории и технологии НВІКС, как это ни покажется удивительным, Н.А. Рубакин заложил в созданной им научной дисциплине – библиопсихологии, в её методологии и теории, подтвердил в проведенных им же исследованиях и реализовал на практике.

Кредо научно-практической деятельности Н.А. Рубакина заключено в девизах: **«Всегда и везде служить возвышению читателя»** с помощью книги, представляющей собой **«могущественнейшее орудие борьбы за истину и справедливость»**.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бородин В.А. Изучение продуктивности чтения текстов новой природы: основные направления исследования в интересах будущего библиотек // Библиотековедение. – 2017. – № 2. – С. 159–165.
2. Рубакин Николай Александрович : хрестоматия / авт.-сост. В.А. Бородин, С.М. Бородин. – Москва: РШБА, 2014. – 424 с.

«Делай, твори, действуй, говори, доказывай, кричи, придумывай, создай, борись, дерзай, хотя бы и страдая, – но делай, – это и есть жизнь».